

АЛЕКСАНДР АРОНОВ

Пробужденный 2: Тень культа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Аронов

Пробужденный 2: Тень культа

<https://litres.ru/73979961>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, как много в мире вещей, которые могут вас убить?

Нет, не так. Вы когда-нибудь задумывались, как много в мире вещей, которые могут убить вас, а потом воскресить, чтобы убить снова?

Меня зовут Малл'Тисс. Я тифлинг. Капитан отряда «Волки Греймура». Мы пережили Альмион. Я умер. Казалось бы — сиди, отдыхай, в чертогах богини, пей эль. Но нет.

В этой истории вы узнаете почему не стоит злить суккуба и побываете в Эльнаме. А ещё интересно, сколько раз может умереть один конкретный тифлинг, прежде чем богиня смерти скажет: «Хватит, это уже не смешно», но это уже другая история.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Александр Аронов

Пробужденный

2: Тень культа

Глава 1

Тишина, обступившая меня со всех сторон, была не просто отсутствием звуков — она была густой, вязкой, как зажёванная смола, и давила на барабанные перепонки не хуже рёва костяного дракона. Я висел в этой тишине — не живой и не мёртвый, — и единственное, что связывало меня с реальностью, была тупая, ноющая боль в груди, оставшаяся после того, как драконьи зубы пробили мою плоть. Боль — это хорошо. Боль означает, что я ещё существую.

А затем тишину прорезал голос.

Он был женским — ледяным, спокойным и при этом исполненным такой уверенности, что по спине побежали мурашки. Он не звучал снаружи, не проникал через уши. Он родился прямо в моём сознании, в той точке за глазницами, где, как говорят, обитает душа, и каждое слово падало, как капля ледяной воды в застывший пруд — размеренно, неотвратно, весомо.

— Ещё не время.

Я узнал эти ноты. Сомнений быть не могло, но разум — та его часть, что ещё цеплялась за остатки здравого смысла, — отказывался верить. Холод, величие, отстранённая, почти равнодушная властность — так могла говорить только одна. Та, что поцеловала меня в лоб в ту ночь, когда я поклялся найти убийц родителей Ауринэи. Та, чьё имя произносят шёпотом даже боги.

— Морана? Ты ли это? — выдохнул я в пустоту, и мой голос, лишённый тела, прозвучал жалко и беспомощно.

Вместо ответа она задала свой вопрос, и в нём звенела сталь клинка, который ещё не извлекли из ножен, но уже обещали обнажить:

— Почему ты не призвал меня? Ты должен был призвать меня в случае крайней опасности.

— Прости, богиня, но я посчитал это пустяк...

— Это не пустяк!

Голос её прокатился по сознанию раскатистым громом, словно грозовой фронт вбивал раскалённые иглы прямо в мозг. Я сжался — не физически, потому что физического тела у меня сейчас не было, а всей своей сутью, — чувствуя себя песчинкой перед лицом бури. Боль была глубже, чем любая рана, глубже, чем разорванная плоть и сломанные кости. Она была в самой сердцевине моего существа, там, где душа соприкасается с вечностью. А затем так же внезапно буря стихла, сменившись ледяным спокойствием — тем самым, что царит в еде урагана, где нет ветра, но воздух всё

ещё звенит от напряжения.

— Мы, боги, не имеем права вмешиваться в дела мирских существ без риска нарушить мировое равновесие, — заговорила она тише, но каждое слово падало тяжело, как камень в воду. — И только благодаря тому, что ты благословлён мной — благодаря той клятве, что ты дал перед моим ликом, — я смогла не допустить твою душу в свои чертоги. Я смогла вернуть её обратно в тело. Ты понимаешь это, тифлинг? Это не пустяк. Твоя смерть не может быть пустяком. Ты ещё не выполнил клятву крови, данную эльфийке. Ты ещё не отомстил за её родителей. Ты ещё не сделал того, для чего я тебя выбрала. Ты — мой инструмент, Малл'Тисс, и я не позволю тебе сломаться раньше времени.

Стыд обжёг горло хуже предсмертного хрипа. Я, прошедший десятки войн, бывший ассасин ранга S, чьё имя произносили шёпотом, а контракты на которого стоили больше, чем жизни мелких королей, стоял перед богиней смерти, как провинившийся мальчишка. И поделом. Я получил её благословение — редчайший дар, — а при первой же настоящей опасности полез в пасть дракона, даже не вспомнив о нём.

— Прости меня, богиня, я...

— Молчать! — оборвала она, и в её голосе лязгнул металл. — Слушай меня внимательно. И открой наконец глаза!

В тот же миг невидимая сила рывком вздёгнула меня вверх. Я почувствовал, как что-то сжимает воротник моей рубахи — не руки, но хватка была стальной, — и, распахнув

веки, осознал, что стою на ногах посреди собственной комнаты в штабе «Волков Греймура». Богиня держала меня за шкуру, точно нагадившего котёнка, и взгляд её бездонных глаз — цвета льда, без зрачков, но полных древней, нечеловеческой мощи — не предвещал ничего хорошего. Её пальцы, ледяные и невесомые, впивались в ткань, но я чувствовал их каждой клеткой своего внезапно ожившего тела.

Она была прекрасна и ужасна одновременно. Кожа — белее первого снега, что выпадает на вершинах Альмират. Волосы — струящийся замёрзший водопад, в котором путался лунный свет, проникающий сквозь занавески. Губы — синие, как у замерзающего, но сейчас изогнутые в тонкой, не предвещающей ничего хорошего усмешке. Одежды её, сотканые из тумана и инея, колыхались, хотя в комнате не было ни ветерка. От неё исходил холод — не тот, что заставляет дрожать, а тот, что проникает в кости, в душу, в самую память. Воздух вокруг неё искрился крошечными ледяными кристаллами, и там, где её босые ноги касались деревянного пола, расцветали узоры изморози.

Рядом застыла Ауриня. Она стояла на коленях и по её щекам всё ещё бежали дорожки слёз, частых и крупных, как небесный град, не желающий стихать. Её зелёные глаза, расширенные от ужаса и благоговения, метались от моего лица — живого! — к суровому лику богини. Губы эльфийки дрожали, но с них не срывалось ни звука. Страх и священный трепет сковали её, как цепями. Она протянула ко мне руку —

инстинктивно, порывисто, — но замерла на полпути, не смея коснуться. То ли боялась, что я рассыплюсь прахом, то ли не решалась вмешиваться в разговор богини со смертным.

В дверном проёме, рухнув на колени и прижавшись лбом к холодным доскам пола, в благословенном ужасе замерла Мириэль. Её посох, тот самый, что она привезла из храма Вердиса лежал рядом, и руны на нём едва тлели, словно сама магия, заключённая в дереве, склонилась перед высшей силой. Мириэль не смела даже поднять голову. Её спина, облачённая в скромную жреческую мантию, мелко вздрагивала — то ли от рыданий, то ли от безмолвной молитвы. Она, служительница Вердиса, видевшая чудеса исцеления, сейчас была потрясена до глубины души явлением той, кто стоит над всеми богами исцеления, — той, кто решает, жить смертному или умереть.

— Смерть не отменяет твою клятву, тифлинг, — продолжила богиня, чуть ослабив хватку, но всё ещё не отпуская меня. Её ледяные пальцы, казалось, прожигали ткань рубахи и касались самой души. — Однако я могу дать тебе подсказку. Начало пути ты найдёшь в Остапоре. Неделя пути на юг. Там, в антикварной лавке, что зовётся «Серебряный Свиток», кроется первая нить, ведущая к тем, кто носит этот герб.

В её руке возник медальон — тонкая работа, сокол, несущий в лапах цветущую ветку. Тот самый герб, что был у предателя в отряде Анны, что был у убийц родителей Ауриэни.

Металл был тёмным, почти чёрным, но в глубине его переливались серебристые искры, словно звёзды в зимнем небе. Медальон возник из ничего — просто сгустился из морозного воздуха, — и повис в пространстве, ожидая, пока я приму его.

Я протянул руку и принял подарок, склонив голову ровно настолько, чтобы выказать почтение, но не нарушить достоинства воина. Медальон лёг в ладонь холодной тяжестью, и я почувствовал, как от него исходит слабая, едва уловимая пульсация — словно сердцебиение.

— Благодарю тебя, Морана.

— Не смей мне кланяться! — в её голосе вдруг прорезалась странная, почти материнская нежность, совершенно не вязавшаяся с ледяным величием богини смерти. — Мои слуги не кланяются мне. Ты — не раб, Малл'Тисс. Ты — мой избранник. И ты ещё заставишь своих врагов пожалеть о том дне, когда они перешли дорогу тебе и твоей стае.

В тот же миг фигура богини утратила плотность, рассыпавшись ворохом сверкающих снежинок. Они закружились в воздухе — тысячи, десятки тысяч крошечных ледяных кристаллов, каждый из которых сиял собственным светом, — коснулись пола и растаяли без следа, оставив после себя лишь лёгкий запах мороза и едва уловимый аромат белых цветов, что растут только на заснеженных вершинах. Холод в комнате начал медленно отступать, вытесняемый теплом из камина, что горел в общем зале.

В комнате повисла звенящая, осязаемая пауза — та самая, что наступает после удара грома, когда все ждут, не прогремит ли ещё один.

Первый всхлип, разрушивший тишину, раздался со стороны Ауринаэи.

— Ты жив, — прошептала она одними губами, и звук этот был подобен молитве, самой искренней из всех, что когда-либо возносились богам. — Жив... жив... жив...

По её щекам всё ещё катились слёзы — частые, крупные, словно небесный град, не желающий стихать. В следующий миг она бросилась ко мне — не вставая с колен, просто рванулась вперёд, — вжалась всем телом и поцеловала так, как целует невеста, дождавшаяся солдата с войны. Губы у неё были горько-солёными, пропитанными влагой недавнего горя. Она прильнула ко мне, будто боялась, что всё происходящее — лишь сон, мираж, жестокий обман уставшего разума, который исчезнет, стоит ей открыть глаза. Плечи её вздрагивали, а пальцы судорожно цеплялись за ткань моей рубахи, словно пытаясь убедиться, что я настоящий, тёплый, живой. Её сердце колотилось так сильно, что я чувствовал его биение сквозь наши тела.

— Я жив, и я дома, — произнёс я, крепко сжимая её в объятиях и медленно, успокаивающе поглаживая по спутанным, влажным от слёз волосам. Они пахли дымом, кровью — чужой и моей, — и, едва уловимо, её родным запахом хвои и лаванды, который не могли перебить никакие битвы. — Всё

хорошо, родная. Всё хорошо. Я здесь.

Следом пришла в себя Мириэль. Всё ещё стоя на коленях у порога, она не смела поднять глаз, но голос её дрогнул раскаянием и благоговением:

— Господин Малл'Тисс, я не знала, что вы служите самой богине... Простите мою недалёкозоркость. Я, целительница, должна была почувствовать Её присутствие раньше. Должна была понять... — Её голос сорвался.

— Встань, Мириэль, — мягко, но твёрдо ответил я, не разжимая объятий, в которых всё ещё дрожала Ауринэя. — Я всего лишь тифлинг, и не более того. Случайно получивший благословение, случайно выживший. Не нужно меня обожествлять. Я не бог. Я просто... капитан, который должен был поступить умнее.

Она медленно поднялась, опираясь на посох, но всё ещё не решалась подойти ближе, теребя край своего одеяния. Её изумрудные глаза, такие похожие на драконьи, были полны невыплаканных слёз.

На шум, доносившийся из моей комнаты, сбежались остальные — те, кто ещё недавно лежал без сил в общем зале, залечивая раны после Альмиона. Дверь распахнулась, и в проёме возник Лиссар. Его лицо, обычно непроницаемое, как маска, сейчас исказила мрачная усмешка — та, за которой он пытался спрятать потрясение. В серых глазах, вечно холодных и расчётливых, читалось огромное, непривычное для ассасина облегчение.

— Брат, мы тебя уже хоронить собрались, — произнёс он с кривой улыбкой, но в голосе дрожали непрощенные нотки. — Я уже прикидывал, сколько возьму за твою голову. Она, знаешь ли, в цене упала — мёртвые ассасины стоят дёшево. Однако я чертовски рад, что ты жив. Не каждый день видишь, как друг возвращается с того света. Особенно после того, как его пережевал дракон.

Следом ввалился Горн. Могучий воин, всё ещё бледный после того, как Мириэль залечила его пробитое лёгкое, шумно втянул воздух, смахнул скупую, совершенно неожиданную для его каменного лица слезу и расплылся в широкой, почти детской улыбке. Его рубаха была разорвана на груди, но он, казалось, не замечал этого.

— Командир! Тебя даже смерть не остановит! Я же говорил — ты живучий, как дварфийский таракан! Эти твари в Альмионе, небось, уже ставки делали, что ты не выживешь. Просчитались, костяные ублюдки!

— Горн, — тихо одёрнула его Анна, входя следом. Она опиралась на его плечо — её нога всё ещё ныла после глубокого пореза, — но держалась прямо. Её лицо, обычно острое и насмешливое, сейчас было бледным, а в глазах стояли слёзы, которые она отказывалась признавать. — Помолчи хоть минуту. Командир только что воскрес.

— Так это же повод не молчать, а орать! — возразил Горн, но, перехватив взгляд Анны, осёкся и лишь широко улыбнулся.

— Что произошло? — спросил я, возвращая мысли к последнему, что помнил. Картины битвы всё ещё мелькали перед глазами: костяной дракон, его пасть, смыкающаяся вокруг меня, боль — ослепительная, разрывающая, — и крик Ауринаэ, долетевший до меня сквозь грохот разрушающегося зала. — Там, в лаборатории... Как мы выбрались?

Вперёд выступила Анна, утирая глаза рукавом. Голос её звучал глухо, но она старалась говорить чётко, словно пересказывая рапорт командиру, — привычка, выработанная годами службы.

— Командир... Когда костяной дракон схватил тебя пастью, ты выкрикнул заклинание. То самое. Весь зал поглотило зелёное пламя — как тогда, в Старом лесу с кровососами, только в сотни раз сильнее, ярче. Оно выжгло всё: дракона, оставшихся тварей, даже слизь со стен. Дракон рассыпался в прах за несколько секунд — просто развалился, как картонный домик, — а ты упал с высоты метров десяти и уже не дышал. В твоей груди и животе зияли дыры от его зубов — такие, что... — она запнулась, сглотнула, отводя взгляд. — Всё вокруг было в твоей крови. Ауринаэ бросилась к тебе, но было уже поздно. Мириэль пыталась исцелить тебя сразу, применила самые сильные заклинания, но у неё ничего не вышло. Твоё сердце не билось. Ты был мёртв, Малл'Тисс. По-настоящему мёртв.

Анна перевела дыхание и бросила быстрый взгляд на всё ещё потрясённую целительницу. — Пока твоя эльфийка пла-

кала, обнимая твоё тело и отказываясь верить, Мириэль исцелила остальных. Она очень сильный целитель. У Горна были сломаны четыре ребра и пробито лёгкое — он дышал кровью. У меня — глубокая рана на бедре, артерия была задета, я истекала кровью. У Лиссара — трещина в черепе после удара хвостом дракона, он был без сознания. Она поставила всех на ноги за час. А Ильгарвен тем временем растаскивал завалы, искал уцелевшие артефакты — и нашёл. Ещё два куска метеоритного железа, таких же, как тот, что мы нашли на третьем этаже, только поменьше. И несколько горстей монет. Потом мы собрали всё ценное, что смогли найти, и ушли через портал, который обнаружили раньше. Тот, что требовал сферический ключ. Он активировался сам, как только дракон пал, — видимо, его смерть сняла какое-то заклятие. Мы оказались в центральной часовне Альмиона, на поверхности. В руинах города не встретили ни одной твари — вся нежить, что была там, словно исчезла. Мы шли всю ночь и весь следующий день, а когда твоё тело внесли в гильдию... — Анна запнулась, её голос дрогнул. — Даже наша вечно серьёзная Линн заплакала. Я никогда не видела, чтобы она плакала. Она... она отвернулась, но я заметила.

Словно услышав своё имя, в комнату вихрем ворвалась Линн. Дверь, которую Лиссар оставил приоткрытой, распахнулась настежь, и глава «Стального Кулака» влетела внутрь, даже не постучав — неслыханное нарушение её собственного этикета. Увидев меня стоящим на ногах — живого, дыша-

щего, обнимающего Аурунэю, — она споткнулась на ровном месте и рухнула на колени, не в силах устоять. Её строгая юбка порвалась о занозу в половице, но она даже не заметила этого. Из расширившихся глаз, обычно скрытых за стёклами очков, брызнули слёзы, и на краткий миг, всего на одно биение сердца, в их глубине вспыхнуло чистое золото — яркое, сияющее, нечеловеческое.

Я улыбнулся, глядя на неё, и, чтобы снять напряжение, повисшее в комнате, решил поддеть старой поговоркой — той самой, что ходила среди тифлингов Мор'Каэль:

— Говорят, хвост легко выдаёт тифлингов. Иллюзии — иллюзиями, а хвост всегда скажет правду.

Линн вздрогнула и судорожно обернулась, будто пытаюсь найти за спиной то, чего там отродясь не было — аккуратно поджатый, скрытый магией хвост. Спустя мгновение она осознала свою оплошность, и её щёки, только что бледные от потрясения, густо покраснели. Она вскинула на меня взгляд — умоляющий, полный страха, — и выпалила, сбиваясь с привычного делового тона на почти детский лепет:

— Только никому не рассказывайте! Никто не должен знать... Только вы. Я... я не могу позволить, чтобы об этом узнали. Гильдия, город, все... Пожалуйста, Малл'Тисс!

Я усмехнулся и мягко произнёс, обводя взглядом своих Волков — тех, кто уже знал, и тех, кто только догадывался:

— Не переживай, Линн. Волки Греймура умеют хранить тайны. Твоя тайна умрёт с нами. А мы, как ты только что

убедилась, умирать не собираемся. По крайней мере, не сегодня.

Она выдохнула — долгим, прерывистым выдохом, в котором смешались облегчение, страх и благодарность. Плечи её, всегда расправленные с гордостью главы гильдии, опустились, и на мгновение в глазах, за стёклами очков, мелькнула такая глубокая, почти детская благодарность, что у меня защемило сердце. Затем она поднялась, отряхнула порванную юбку и, пытаясь вернуть себе привычную деловитость, произнесла:

— Я... я пойду. Принесу вам поесть. И эля. Вам нужно восстановить силы. После такого... после всего... вы заслужили горячий ужин. И отдых. Много отдыха.

Она выскользнула за дверь, и я услышал, как её шаги — быстрые, но уже не такие уверенные, как обычно, — удаляются по коридору в сторону лестницы.

В комнате снова стало тихо. Ауринэя всё ещё прижималась ко мне, не желая отпускать. Горн, Анна, Лиссар, Мириэль — все смотрели на меня, и в их взглядах читалось одно: «Ты жив. Ты вернулся. И это всё, что имеет значение».

Я обвёл их взглядом, чувствуя, как внутри разливается тепло — не от магии, не от благословения Мораны, а от простого человеческого (и не только) тепла. От осознания того, что эти люди — моя семья. Что они прошли через ад, чтобы вернуть меня. Что они верили в меня даже тогда, когда моё сердце остановилось.

— Спасибо, — сказал я. Слова были простыми, но я вложил в них всё, что чувствовал. — Всем вам. За то, что вытащили меня. За то, что не бросили. За то, что верили. Я... я не заслуживаю такой стаи.

— Мы — Волки Греймура, — ответил Горн, и в его голосе, впервые за всё время, не было ни грамма насмешки. Только суровая, несокрушимая гордость. — Мы своих не бросаем. Даже если этот кто-то лезет в пасть дракона а потом его приходится тащить. Ты — наш командир. И мы пойдём за тобой куда угодно., но скажу честно. Тяжёлый ты командир!

— Понял, — я усмехнулся, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Спасибо, Горн.

— Не за что, — он махнул рукой. — Лучше скажи: что у тебя с рогами? Морана их не отморозила? А то ходят слухи, что поцелуй богини смерти оставляет... хм... последствия.

Все улыгнулись — устало, но искренне. Даже Лиссар позволил себе короткий смешок. Я сжал Ауринэю крепче и закрыл глаза, позволяя себе наконец расслабиться.

Глава 2

Вечер опустился на Греймур мягкими сумерками. За окнами штаба сгустилась синева, и первые звёзды прокололи небесный свод — острые, холодные, далёкие, но в этот вечер даже они казались уютными. В общем зале нашего отряда царило тепло — не только от камина, в котором весело потрескивали дрова, отбрасывая на стены пляшущие золотистые блики, но и от того особенного, живого тепла, что рождается, когда близкие по духу люди собираются вместе после тяжёлого испытания. Пахло дымом, деревом и чем-то вкусным, что уже начали вносить в зал.

Линн превзошла саму себя. Она появилась в дверях в сопровождении двух мальчишек-посыльных, нагруженных подносами, и скомандовала накрывать на стол резким, но не лишённым заботы голосом. Чего там только не было: жареный поросёнок с яблоком в зубах, истекающий соком и обложенный печёными овощами — морковью, репой, луком, что карамелизировались и пахли сладостью; груды копчёных колбасок, от которых тянуло чесноком и пряными травами; сыры — от мягкого, с голубой плесенью, что таял на языке, до твёрдого, выдержанного, что крошился под ножом и оставлял ореховое послевкусие; свежий хлеб с хрустящей корочкой, ещё тёплый; горы фруктов, среди которых я заметил даже экзотические южные плоды — оранжевые, с бугристой

кожурой, доставленные, видимо, морем; и, конечно, выпивка. Бочонок тёмного эля, пара бутылок гномьей огненной воды — прозрачной, как слеза, и обжигающей, как драконье дыхание, — кувшин с охлаждённым белым вином и, к моему удивлению, графин с чем-то, что пахло эльфийским игристым — лёгким, с нотками лесных ягод и едва уловимой кислинкой.

— За счёт гильдии, — объявила Линн, перехватив мой восторженный взгляд. — Вы заслужили. Все вы. — Она обвела глазами собравшихся, задержавшись на мне чуть дольше, и в её взгляде промелькнуло что-то тёплое, почти материнское. — Ешьте, пейте, веселитесь. Завтра разберёмся с трофеями и сдачей задания. А сегодня... просто отдыхайте.

Она хотела уйти, оставив нас одних, но Горн решительно ухватил её за рукав.

— Куда? — прогудел он, и его голос, обычно громогласный, сейчас звучал почти обиженно. — Мы не можем просто так отпустить нашего дорогого регистратора. Ты с нами с самого начала, Линн. Без тебя этот вечер был бы неполным.

Линн заколебалась, но под дружным напором — Горн тянул за рукав, Анна пододвигала стул, а Велшара робко улыбалась — сдалась и заняла место с краю, сложив руки на коленях, как примерная ученица. Велшара, сидевшая рядом с отцом, робко улыбнулась ей.

— К слову, — сказала Линн, и в её голосе прорезались нотки, которых я раньше не слышал — усталые, но властные,

— я не просто регистратор. Я глава «Стального Кулака». А за стойкой стою, потому что кадров не хватает. Все, кто может держать оружие, либо в рейдах, либо...

Она не договорила, махнула рукой, и все поняли без слов.

Мы расселись вокруг большого стола. Я — во главе, по правую руку Ауринаэ, по левую — Лиссар. Рядом с Лиссаром — Велшара, уже не жавшаяся испуганно, а с интересом разглядывавшая новых гостей. Горн и Анна устроились напротив, а Ильгарвен и Мириэль — чуть поодаль, всё ещё немного смущаясь, но явно тронутые оказанным приёмом.

Горн первым поднял кружку, доверху наполненную тёмным элем. Пена стекала по стенкам, оставляя влажные дорожки.

— Ну что, Волки Греймура и гости дорогие, — начал он, и его голос, обычно способный перекричать бурю, сейчас звучал непривычно мягко. — Я не мастер говорить красивые речи. Я мастер махать топором и есть мясо. Но сегодня особый вечер. Мы вернулись из проклятого Альмиона. Мы все живы — ну, почти все, — он покосился на меня с усмешкой, — и даже те, кто умудрился там геройски помереть, снова с нами. И за это стоит выпить. За нас. За то, что мы — стая. И за то, чтобы в следующий раз обойтись без смертельных трюков, командир.

Все засмеялись, и я, улыбнувшись, поднял свою кружку. Эль пах солодом и хмелем, обещая приятную горечь.

— Обещать не могу, но постараюсь, — ответил я. — За

стаю.

— За стаю! — хором отозвались остальные, и девять кружек — глиняных, деревянных, одна даже серебряная — столкнулись над столом с глухим, объединяющим стуком.

Первый глоток эля прокатился по горлу приятной горечью, согревая изнутри. Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как напряжение последних дней — боёв, смертей, возвращения — медленно отпускает, словно стянутые узлы на канатах. Аурина, сидевшая рядом, положила свою ладонь на мою и легонько сжала. Я перевернул руку, переплёл наши пальцы. Она улыбнулась, не глядя на меня, и её уши, обычно бледные, чуть порозовели.

— Расскажи, как ты себя чувствуешь? — тихо спросила Мириэль, обращаясь ко мне через стол. Её изумрудные глаза, такие похожие на драконьи — с вертикальными зрачками, но более мягкими, — светились искренней заботой. — Я пыталась исцелить тебя, но твоё тело... оно не отзывалось. Словно душа уже покинула его. Я чувствовала только пустоту.

— Честно? — Я задумался, прислушиваясь к себе. — Как будто заново родился. Никакой боли, никаких следов от ран. Даже старый шрам на лице, — я коснулся пальцами щеки, проводя по тонкой линии от виска до подбородка, — кажется, стал менее заметным. Морана постаралась.

При упоминании богини за столом повисла короткая пауза. Мириэль опустила глаза, а Ильгарвен почтительно скло-

нил голову, и его чёрная чешуя блеснула в свете камина.

— Ты служишь самой Смерти, — произнёс он низким, рокочущим голосом, в котором слышался отзвук далёких вулканов. — Это великая честь и великое бремя. Моё племя почитает Морану как одну из старших богинь, но на моей памяти ещё никто из драконорождённых не удостоивался её прямого внимания.

— Я не слуга ей, — покачал головой я. — Скорее, она выбрала меня для какой-то своей цели. И я до сих пор не до конца понимаю, для какой. Знаю только, что должен найти тех, кому принадлежит герб «сокол, несущий ветку». Морана дала подсказку — Остапор, город на юге. Неделя пути.

Лиссар подался вперёд, его серые глаза блеснули в свете камина — холодные, цепкие, как у охотника, почуявшего след.

— Тот же герб, что был у предателя в отряде Анны, — произнёс он, и его голос упал до шёпота. — Совпадений не бывает. Это сеть. И Остапор — первая нить.

— Именно, — кивнул я. — Поэтому, как только разберёмся с делами здесь, мы отправляемся в Остапор. Но это завтра. А сегодня, — я убрал медальон, подаренный Мораной, и снова взял кружку, — сегодня мы празднуем.

Анна, до этого молча слушавшая, вдруг усмехнулась. Она откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди, и её рыжая коса скользнула по плечу.

— Знаешь, командир, когда ты лежал там, на полу лабо-

ратории, весь в крови, я подумала: «Вот и всё. Конец пути, конец волкам». Я до конца не верила, что ты можешь умереть. Не так. Ты слишком упрямый. Даже смерть, видимо, не справилась.

— Это точно, — поддакнул Горн, отрывая кусок от поросычьей ноги. Сок брызнул, и он с довольным видом отправил мясо в рот. — Упрямый, как дварф, который нашёл золотую жилу и не уйдёт, пока не выкопает всё до последней крупички. Или пока шахта не обвалится.

— Сравнение так себе, — улыбнулся я, — но за неимением лучшего приму.

Все рассмеялись, и напряжение окончательно рассеялось, как утренний туман. Разговоры потекли рекой. Ильгарвен, захмелев от эля (драконорождённые, как оказалось, быстро пьянеют), рассказывал о землях своего народа — о плато, парящих в небесах, удерживаемых древней магией Предков, о вулканах, в жерлах которых купаются огненные элементы, словно в горячих источниках, о племенах, что поклоняются разным драконьим аспектам — Теневому, Огненному, Ледяному, Грозовому. Его голос, низкий и рокочущий, завораживал. Мириэль, осмелев после пары глотков эльфийского игристого, поведала о своём обучении целительству в храме Верита — так они называли Вердиса, одного из высших богов и покровителя ремесла магии, которому служила её гильдия «Пламя Верита».

— Верит учит, что исцеление — это не только восстано-

ление плоти, но и возвращение души в гармонию, — говорила она, и её голос, мягкий и певучий, завораживал, словно журчание лесного ручья. — Когда я лечила вас, я чувствовала вашу боль, ваш страх, вашу решимость. Я чувствовала, как ваши души кричат. Это... это было честью для меня. И болью. Но я рада, что смогла помочь.

— Ты спасла нас, — просто сказала Анна. — Без тебя и Ильгарвена мы бы не выжили. У меня была разорвана артерия, у Горна — пробито лёгкое. Лиссар вообще должен был умереть. В общем мы тебе благодарны.

Мириэль смущённо опустила глаза, и её щёки, покрытые лёгкой зеленоватой чешуёй, порозовели. Ильгарвен, сидевший рядом, легонько толкнул её плечом — жест братской поддержки, от которого она чуть не упала со стула.

Велшара, которая до этого в основном молчала, с интересом слушая, вдруг спросила:

— А правда, что у драконорождённых есть особое боевое искусство, основанное на дыхании? Я слышала легенды... Говорят, воины Теневого Дракона могут становиться невидимыми в тенях.

Ильгарвен усмехнулся, обнажив клыки — белые, острые, как у акулы.

— Правда. Оно называется «Шёпот Пламени». Но ему обучают только избранных воинов, прошедших испытание огнём. Я один из них. И нет, невидимым я становиться не могу. Могу лишь сливаться с тенями, как ваш Лиссар, но не

исчезать полностью.

— А моя стихия — жизнь, — добавила Мириэль. — Я не воин, я целитель. Потому «Шёпоту Пламени» не обучалась. Моё дыхание исцеляет, а не убивает.

— Целитель, который не побоялся спуститься в Альмион и встать против костяного дракона, — заметил Лиссар, и его голос, обычно лишённый эмоций, звучал с уважением. — Это дорогого стоит. Не каждый воин на такое способен.

Мириэль благодарно кивнула, не поднимая глаз. Когда основная часть ужина была съедена — от поросёнка остались только кости, сыры поредели, а хлеб исчез подчистую, — и кружки опустели, я решил, что настал подходящий момент. Я поднялся, привлекая внимание, и в зале постепенно стихли разговоры. В камине треснуло полено, выбросив сноп искр.

— Ильгарвен, Мириэль, — начал я, глядя на них. — Вы сражались бок о бок с нами. Вы рисковали жизнями ради нас. Вы спасли моих людей, когда я... был не в состоянии. — Я сделал паузу, вспоминая темноту и голос Мораны. — Отряд «Волки Греймура» был создан не так давно, но уже успел стать для меня семьёй. И я был бы рад, если бы вы стали частью этой семьи. Я предлагаю вам вступить в наш отряд. Официально. На равных правах.

Горн тут же закивал, да так, что его борода затряслась. Анна улыбнулась, Лиссар едва заметно кивнул. Ауринэ сжала мою руку под столом в знак поддержки, и я почувствовал

тепло её пальцев.

Ильгарвен и Мириэль переглянулись. Между ними снова промелькнул тот безмолвный разговор, понятный только брату и сестре, — быстрый обмен взглядами, едва заметное движение бровей. Затем драконорождённый поднялся, и его чешуя блеснула в свете камина, словно обсидиан.

— Для нас это честь, — произнёс он, и в его голосе, низком и рокошущем, звучала искренность, какой я раньше не слышал. — Мы пришли в Альмион за артефактом для нашего племени — сферой, что поможет стабилизировать парящие плато, — но нашли нечто большее. Мы нашли союзников, которым можем доверять. Мы согласны, но нам нужно будет сдать задание.

Мириэль встала рядом с братом и склонила голову в изящном поклоне — её серебристые волосы упали на плечи, а кончики ушей, чуть заострённые, покраснели.

— Я тоже согласна. Благодарю вас, капитан Малл'Тисс. Благодарю всех вас. Для меня это большая честь.

— Можете зарегистрироваться завтра утром как пополнение отряда, — сказала Линн, приподнявшись со своего места. В её голосе снова прорезались деловые нотки. — Между гильдиями искателей приключений поддерживается связь, так что своё задание от «Пламени Верита» вы сможете сдать здесь. А регистрация в отряд — формальность, которую мы уладим за полчаса. Артефакт, я так понимаю, вы забрали. — Ильгарвен кивнул. — Во всех гильдиях искателей есть

маленький стационарный портал для переброски вещей, так что его мы сможем отослать в «Пламя Верита» уже завтра. Добро пожаловать в «Волков Греймура», — добавила она с тёплой улыбкой, и в её глазах на мгновение снова вспыхнуло золото — мягкое, как свет далёкой звезды.

— Добро пожаловать в стаю, — хором добавили Горн и Анна, и Горн для убедительности хлопнул ладонью по столу.

Мы снова подняли кружки — на этот раз за новых членов отряда. Ильгарвен и Мириэль, кажется, были тронуты до глубины души. Драконорождённый даже смахнул что-то с глаза — то ли слезу, то ли просто соринку, — а Мириэль улыбалась так, что её лицо, обычно серьёзное, светилось.

Вечер катился к ночи. Усталость, накопившаяся за дни сражений, брала своё. Первым начал клевать носом Горн — его голова то и дело опускалась на грудь, и он вздрагивал, просыпаясь. Потом Анна, зевая, прикрыла рот ладонью и виновато улыбнулась. Лиссар поднялся, пожелал всем спокойной ночи и ушёл в свою комнату, уводя с собой Велшару — та, впрочем, выглядела бодрее всех, видимо, сказалась молодость и демоническая кровь. Ильгарвен и Мириэль, поблагодарив за ужин и компанию, удалились в предоставленные им комнаты в штабе отряда. Ильгарвену пришлось пригнуться в дверях — его рост и рога не позволяли пройти иначе.

Линн, собрав пустые тарелки и бокалы на поднос с ловкостью, выдававшей многолетнюю практику, пожелала мне спокойной ночи и выскользнула за дверь. В её глазах снова

на мгновение вспыхнуло золото — то ли отблеск камня, то ли нечто большее, — но я не стал заострять внимание. У каждого свои тайны.

Мы остались вдвоём с Ауринэей. Она сидела рядом, не отпуская моей руки, и смотрела на догорающие угли в камине. В её глазах плясали отблески пламени — зелёные, как весенняя листва, но сейчас затуманенные усталостью и чем-то ещё, глубоким, невысказанным. Лицо, освещённое мягким светом, казалось неземным — тонкие черты, высокие скулы, заострённые уши, сейчас чуть опущенные.

— Ты устала, — сказал я тихо, проводя большим пальцем по её ладони.

— Не хочу спать, — ответила она, не оборачиваясь. Голос её был тихим, почти шёпотом. — Боюсь, что если закрою глаза, то проснусь, а тебя нет. Что всё это — сон. Что я всё ещё там, в лаборатории, и держу твоё холодное тело.

Я поднялся, потянул её за руку, заставляя встать. Она подчинилась, но двигалась медленно, словно во сне.

— Пойдём.

Она не сопротивлялась. Я провёл её в свою комнату, закрыл дверь, отгораживая нас от внешнего мира. В камине ещё тлели угли — красные, подёрнутые пеплом, — и я подбросил пару поленьев. Пламя лениво лизнуло дерево, затрещало, наполняя комнату теплом, светом и запахом горячей сосны.

Я помог ей раздеться — снял лёгкий кожаный доспех, стя-

нул сапоги, расстегнул рубашку. Она стояла покорно, позволяя мне заботиться о ней, и в этом было что-то глубоко интимное, доверительное. Я разделся сам, и мы легли. Аурина прижалась ко мне, положила голову на плечо, и я обнял её, укрывая нас обоих одеялом — тёплым, шерстяным, пахнущим лавандой из сундука.

— Расскажи мне, — прошептала она, и её дыхание согрело мою кожу. — Что ты чувствовал? Там, за гранью?

Я помолчал, вспоминая. В камине треснуло полено, и тени на стенах дрогнули.

— Пустоту. Темноту. Не было ни боли, ни страха. Только... тишина. Бесконечная, как небо без звёзд. А потом голос Мораны. Она вернула меня. Сказала, что я ещё не выполнил клятву. — Я коснулся губами её лба, чувствуя, какая она тёплая. — Клятву найти убийц твоих родителей. И я найду их, Аурина. Клянусь тебе.

Она всхлипнула, уткнувшись лицом в мою грудь, и её плечи задрожали.

— Я чуть не умерла, когда увидела тебя... там. В пасти этой твари. Я думала, что потеряла тебя навсегда. И Морана... она явилась, как снежная буря, и я боялась, что она заберёт тебя у меня. Что ты уйдёшь с ней.

— Не заберёт, — твёрдо сказал я, глядя её по волосам. — Она благословила меня в ту первую ночь, когда мы вернулись из Старого леса. В ночь, когда я поклялся её именем, что найду тех, кто причастен к смерти твоих родителей. Но

принадлежу я только себе. И тебе, если ты не против.

Она подняла голову, и в её заплаканных глазах — зелёных, как мох после дождя, — блеснула улыбка. Робкая, но настоящая.

— Я не против. Совсем не против. Только попробуй теперь умереть — я сама за тобой в чертоги Мораны приду.

Мы лежали молча, слушая дыхание друг друга и потрескивание дров. Постепенно её тело расслабилось, дыхание стало ровнее, глубже. Пальцы, сжимавшие край моей рубахи, разжались.

— Малл'Тисс, — прошептала она уже сквозь сон, и голос её был едва слышен.

— М?

— Я люблю тебя.

— И я тебя, Ауринэя. Спи.

Она заснула, доверчиво прижавшись ко мне, и её лицо, ещё недавно искажённое горем, стало безмятежным. Я смотрел на неё, на то, как вздымается и опускается её грудь, как подрагивают ресницы, и чувствовал, как внутри разливается покой — глубокий, настоящий, какого я не знал уже много лет. Может быть, никогда.

Глава 3

Утро ворвалось в комнату мягким солнечным светом, пробивавшимся сквозь неплотно задёрнутые шторы. Золотистые полосы легли на пол, на кровать, на лицо спящей Ауринэи, и её ресницы дрогнули. Я вышел из медитации, чувствуя, как тело наполнилось привычной лёгкостью — ни следа вчерашней усталости, ни намёка на пережитую смерть. Только глубокий, спокойный покой, словно озеро в безветренную погоду.

Ауринэя всё ещё спала, свернувшись калачиком под моей рукой. Я позволил себе ещё минуту просто лежать, наслаждаясь теплом её тела и тишиной, прежде чем осторожно, чтобы не разбудить, высвободиться. Она что-то пробормотала во сне, но не проснулась.

В общем зале штаба уже чувствовалось движение. Горн, позёывая, возился у камина, раздувая угли и подбрасывая дрова. Пахло дымом и чем-то съестным — видимо, он уже успел спуститься в таверну за завтраком. Анна сидела за столом, расчёсывая свои рыжие волосы, и о чём-то тихо переговаривалась с Мириэль, которая выглядела отдохнувшей и даже чуть более раскованной. Ильгарвен вместе с Лиссаром стояли у окна, глядя на просыпающийся город, и о чем-то разговаривали. Велшара сидела за столом и вся светилась от счастья. Её хвост радостно подрагивал, а на лице застыла

широкая, почти детская улыбка.

Увидев меня, она подскочила, едва не опрокинув стул.

— Малл'Тисс! — выкрикнула она, и её голос звенел от возбуждения. — Ты не поверишь, что случилось ночью! Я решила потренироваться, пошла на закрытый полигон. Я, конечно, плоха как ассасин, поэтому хотела попробовать что-то ещё. Сначала била манекены, метала ножи, но всё мимо, всё не то. А потом взяла в руки лук... — она перевела дыхание, — и начала стрелять, и ощутила такой прилив радости! Я, конечно, промахивалась по мишеням, стрелы летели куда угодно, только не в цель. Но потом кто-то с мягким голосом подошёл ко мне сзади, стал поправлять руки. Как держать лук, как оттягивать тетиву, даже как быстро выхватывать стрелы из колчана. И у меня стало получаться! Пока не чисто в центр, но стрелы ложились в мишень. Потом я обернулась и увидела его... — её голос упал до благоговейного шёпота. — Это был Умбра! Меня наставлял сам Умбра, слуга Мал'гадора! Он сказал, что это награда за упорство! И теперь я благословлена классом «теневого лучник»! Я так счастлива!

— Я поздравляю тебя, Велшара, — произнёс я с улыбкой и, протянув руку, погладил её по волосам между рогов. Она замурчала от удовольствия, как кошка, и её хвост обвил моё запястье на мгновение, прежде чем отпустить. — Если Лиссар не будет против, то добро пожаловать в отряд.

В этот момент обернулся Лиссар. Он держал в руках

кружку эля, а его лицо озаряла такая радостная улыбка, что я на мгновение опешил — это выражение было ему совершенно не свойственно. Обычно его лицо напоминало маску, но сейчас оно светилось.

— Видишь, дочь, — произнёс он, поднимая кружку в тосте, — Малл'Тисс сказал своё слово, и я тоже одобряю! Добро пожаловать в «Волков Греймура», Велшара.

— Доброе утро, командир, — прогудел Горн, выпрямляясь и отряхивая руки от золы. — Как медитация?

— Продуктивно, — ответил я, садясь за стол и наливая себе травяного отвара из кувшина. — Есть новости?

— Линн просила передать, что ждёт нас через час в своём кабинете, — сообщила Анна, откладывая гребень. — Сказала, пора разобраться с заданиями и провести регистрацию новых членов отряда. И ещё — она нашла какую-то информацию по Остапору.

Я кивнул. Информация лишней не будет. Мы быстро позавтракали — Горн притащил из таверны яйца, бекон и свежий хлеб, — и, когда все собрались, спустились в главный зал гильдии.

Линн уже ждала нас, но не за привычной стойкой регистрации, а в небольшом кабинете за ней, куда раньше я не заходил. Кабинет был обставлен просто, но со вкусом: дубовый стол, заваленный бумагами, свитками и гроссбухами, пара стульев с высокими спинками, книжный шкаф, забитый фолиантами в кожаных переплётках, и камин поменьше, в ко-

тором весело потрескивали дрова. За столом сидела Линн и пила бодрящий отвар из глиняной кружки. Увидев нас, она потянулась, как кошка, и вышла из-за стола.

— Доброе утро, Волки, — поприветствовала она, и в её голосе звучала деловитость, но с тёплыми нотками. — Давайте подведём итоги. Вы выполнили задание «Арканум Верде» — руины Альмиона исследованы, и ваша награда, тысяча золотых, уже передана в гильдию. Могу выдать вам наличными или оставить на хранении. Что скажете?

— Наличными, — не задумываясь, ответил я. — Нам предстоит как следует закупиться.

Линн кивнула и сделала пометку в бумагах.

— Прекрасно, — произнесла глава гильдии и поставила на стол небольшой, но внушительный сундук, окованный серебряными полосами. На крышке красовался герб нашего отряда — оскаленная волчья голова на фоне скрещённых мечей. — Этот сундук для казны отряда, и он синхронизирован с вашими пространственными сумками, но перемещаются в него только монеты. Сундук зачарован на защиту от кражи — открыть его сможете только вы. У казначея отряда и командира будет прямой доступ. По желанию вы можете это перенастроить. Просто скажите мне, и я пришлю нашего штатного артефактора.

Горн взял сундук легко, как пушинку, и довольно хмыкнул.

— Так же, — продолжила Линн, — в гильдии хранится

несколько зачарованных предметов, которые мы обычно выдаём только отрядам ранга В и выше. Но для вас я сделаю исключение. Если хотите, можете взглянуть.

— Обязательно, — кивнул я. — Но сначала — Остапор. Ты говорила, у тебя есть информация.

Линн выдвинула ящик стола, достала свиток и развернула его на столе. Это была карта южных земель, с отметками городов, дорог и опасных мест — болот, развалин, территорий монстров.

— Остапор, — она ткнула пальцем в точку на карте. — Город на перекрёстке торговых путей, известен своими базарами, тавернами и... теневой стороной. Там базируется несколько гильдий, включая гильдию воров, гильдию искателей приключений «Аркан» и, по слухам, представительство Братства Ассасинов. Также там сильны позиции купеческих домов. Герб «сокол, несущий ветку» мне ни о чём не говорит, но я навела справки через свои каналы. В Остапоре есть антикварная лавка «Серебряный Свиток», хозяин которой, некий Альберт Вэнс, торгует редкими артефактами и, поговаривают, информацией. Возможно, он что-то знает о вашем гербе.

— Антиквар, — задумчиво повторил я. — Это уже зацепка. Спасибо, Линн.

— Не за что. И ещё, — она покосилась на дверь, понизив голос, — будьте осторожны. Остапор — не Греймур. Там другие законы, другие гильдии, и не все рады чужакам. Осо-

бенно таким заметным, как вы.

Я усмехнулся.

— Мы справимся. Мы — Волки Греймура.

— Вот именно, — вздохнула Линн, и в её взгляде промелькнула тревога.

— Теперь решим ещё один вопрос. Точнее, три, — сказал я с улыбкой. — Нам нужно ещё три плаща для отряда. И хочу сейчас зарегистрировать троих полноценных членов отряда: Ильгарвен — воин пламени, Мириэль — архимагистр целебной магии, Велшара — тeneвая лучница.

Линн кивнула, делая пометки в гроссбухе.

— Два золотых. Три кожаных чёрных плаща, как у остальных, с эмблемой отряда. Через пару часов занесу вам в штаб. Поздравляю с пополнением, — произнесла она и как-то особенно тепло посмотрела на Велшару. Мне показалось, или снова её глаза блеснули золотом? Тёплым, мягким, почти материнским.

И тут меня осенило. Как же я раньше не замечал? Мать Велшары была суккубом. Лиссар говорил, что она исчезла. А Линн... её глаза, её странная аура, её нежелание показывать хвост...

— Подождите меня в общем зале гильдии, — сказал я отряду, и они, переглянувшись, вышли из кабинета, закрыв дверь.

Я обернулся к Линн. Она сидела за столом, сложив руки, и смотрела на меня с лёгкой улыбкой, словно ожидая вопроса.

— У Велшары ваши глаза, уважаемая Линн, — произнёс я ровно.

Она вздрогнула. Медленно, словно нехотя, сняла очки. В тот же миг воздух вокруг неё задрожал, и иллюзия спала. Из-под строгой юбки вниз скользнул длинный красный хвост с изящной кисточкой на конце. Глаза изменили цвет — теперь они были чистым золотом, без зрачков, точно как у меня, но ярче, глубже. Грудь увеличилась в объёме, налилась, кожа приобрела насыщенный красный оттенок, гладкий, как шёлк. Уши заострились, а из-под верхней губы выглянули аккуратные белые клыки. В воздухе запахло чем-то сладким, цветочным, дурманящим — запах суккуба, запах соблазна.

Моё мужское естество, вопреки воле, отреагировало мгновенно. Я почувствовал, как кровь прилила, как одежда стала тесной. Благо у тифлингов, наследников демонической крови, очень высокое сопротивление ментальному воздействию, так что я быстро взял себя в руки, заставляя дыхание выровняться.

Передо мной стояла суккуб. Мать Велшары. С очень сексуальной фигурой, плавными изгибами тела и манящими формами. Она очень хорошо маскировалась — даже Лиссар не узнал её.

— Молодец, собой владеешь. Другой на твоём месте уже раздевался бы, пуская слюни от перевозбуждения, — произнесла она, глядя мне ниже пояса на выпирающие штаны. В её голосе звучала насмешка, но и толика уважения. — Ду-

маю, когда мы наедине, скрываться больше смысла нет. Давно понял?

Она надела очки обратно, спрятала хвост и вернула внешность регистратора — строгой, но миловидной женщины средних лет. Только глаза всё ещё отливали золотом, прежде чем потускнеть.

— Очки зачарованы на подавление, — пояснила она. — Без них меня бы раскрыли в первый же день.

— Недавно, но только догадка, — произнёс я, всё ещё чувствуя остаточное возбуждение. — Но твой взгляд сейчас... Так мать Ауринэи смотрела на неё. Взгляд, полный тепла и заботы. Почему не расскажешь ей?

— Ещё не время, — произнесла она с лёгкой улыбкой, и в этой улыбке была вековая мудрость и печаль. — Она должна найти свой путь сама. Узнать, кто она, без давления. А сейчас иди. Тебя ждут.

Я улыбнулся в ответ, подождал пару минут, пока тело успокоится, и вышел из кабинета. В главном зале меня ждал отряд. Горн держал сундук, остальные переговаривались. Увидев меня, они замолчали.

— Всё в порядке? — спросила Ауринэя, беря меня под руку.

— Да. Просто уточнил пару деталей. Идёмте, у нас много дел.

Мы покинули стены гильдии и направились в ремесленный квартал. Горн сказал, что поставит сундук в общем зале

штаба и догонит нас. Солнце уже поднялось над крышами, город шумел, пахло дымом, свежим хлебом и морем.

Первым делом по пути в ремесленный квартал мы зашли к картографу. Увидев нас, он просто загорелся от счастья — его морщинистое лицо расплылось в улыбке, а руки затряслись от нетерпения.

— Как я рад вас видеть!!! — произнёс он с нескрываемой радостью и потянул руку, в которую я вложил самописный артефакт. — Так-с, посмотрим... Угу... Пять этажей! Это же просто находка!!! Двадцать восемь квадратных километров карт! Это же полная карта подземелий Альмиона с поверхностью! Какая чёткость, какие детали! Как и договаривались — пять серебром за километр, и благодарность гильдии картографов — два золотых сверху. Итого пять золотых и тридцать серебряных.

Он протянул мешочек с монетами, который Анна сразу пересыпала в пространственный карман.

Далее мы пошли в лавку алхимика. Там, в полумраке, пропахшем травами и серой, нам предложили тридцать золотых за все алхимические камни. Я переглянулся с отрядом — цена была справедливой, — и мы согласились. Анна добавила монеты к казне.

У входа в ремесленный квартал нас нагнал Горн. Он уже стоял, прислонившись к стене, и ждал. Мы вошли в артефактную лавку — небольшую, но богато обставленную, с витринами, полными диковинных предметов.

Артефактор, сухонький старичок с лупой на лбу, внимательно под специальным окуляром осмотрел каждый аметист, затем определил пробу золота колец. В итоге он оценил кольца по три золотых за штуку, а аметисты — по пятнадцать золотых за штуку, и сказал, что готов немедленно выкупить их. Мы согласились, и он отсчитал деньги. От увеличивающегося бюджета настроение поднималось.

Следующей была кузня нашего уже знакомого дварфа. Когда мы зашли, он приветствовал нас как обычно — буркнул что-то неразборчивое, не отрываясь от заготовки. Но стоило Горну выложить на прилавок один кусок метеоритного железа, как его отношение мгновенно переменилось.

Дварф замер. Его глаза расширились, челюсть отвисла. Он осторожно, словно боясь спугнуть, коснулся металла пальцем. Потом перевёл взгляд на нас, и в его глазах читалось благоговение.

— Я... прошу прощения, что был груб, — произнёс он, и голос его дрожал. — Я вижу, что вы по-настоящему серьёзные люди. Теперь в моей кузнице вы самые желанные гости.

Он проводил нас в свой кабинет — смежное с кузней помещение, заставленное чертежами, образцами руд и готовыми изделиями, — и плотно закрыл дверь.

— Такие сделки обсуждают без лишнего шума, — пояснил он.

Там мы показали ему весь наш «улов». Три куска метеоритного железа: два больших, размером с младенца, и

один в два раза крупнее. Гном замер, и у него перехватило дыхание. Он провёл рукой по самому крупному куску, и его пальцы дрожали.

— Поработать с этим металлом — великая честь для кузнеца, — прошептал он. — Броня из него выходит наивысшего качества. Этого крупного куска хватит, чтобы сделать оружие и броню для всего вашего отряда, и ещё останется.

Он оценил их стоимость: триста золотых за два маленьких и двести семьдесят за крупный. Потом задумался, почесал бороду и произнёс:

— У меня к вам есть особое предложение. Я предлагаю сделать вам полные комплекты снаряжения, а остатки выкуплю. И — никогда не думал, что скажу это слово, — снаряжение сделаю вам совершенно бесплатно! Но нужен список.

Я попросил у него бумагу и карандаш и начал писать.

Список снаряжения из метеоритного железа для отряда «Волки Греймура»:

1. Парные клинки — 2 комплекта, плюс два комплекта лёгкой брони для меня и Лиссара.
2. Пара длинных клинков под класс «Арлекин» и лёгкая броня для Анны.
3. Тяжёлая броня и шлемы для Горна и Ильгарвена.
4. Двуручная секира гномьей работы для Горна.
5. Парные полуторные ятаганы для Ильгарвена.
6. Лёгкая броня для класса «теневой лучник» плюс длинный клинок для Велшары.
7. Лёгкая броня плюс парные клинки для Ауринэи.
8. Жреческая защита для Мириэль.
9. Четыре комплекта по десять метательных ножей

из адамантита с метеоритной вставкой в рукоять и мифриловым лезвием. 10. Маски, прикрывающие нижнюю половину лица, — 8 штук. 11. На всём оружии, кроме метательных ножей, сделать по две ячейки для камней зачарования и гравировку герба отряда.

Я закончил список и передал его кузнецу. Список вышел не маленький. Дварф долго изучал его, шевеля губами, а потом задумчиво произнёс:

— Много получается, но метеоритного железа хватит с лихвой. Мифрил у меня есть. Работы предстоит немало, поэтому всё займёт неделю. — Он вздохнул. — Вот только с адамантитом проблема. Его очень трудно достать. На рынке почти не бывает, а то, что есть, стоит бешеных денег.

На этих словах Горн, усмехнувшись, начал вытаскивать адамантитовые пики и складывать на пол кабинета. Одна за другой — длинные, тёмные, с маслянистым блеском. С каждой вытащенной пикой глаза гнома расширялись, ноздри раздувались, а лицо вытягивалось. Когда Горн вытащил все сто тридцать штук, дварф рухнул на стул и выдохнул:

— Вы меня так раньше времени в могилу сведёте! Сколько здесь?

— Ровно сто тридцать штук, — произнёс я с улыбкой, глядя на него.

Он посмотрел на меня, затем на пики. Медленно подошёл к шкафу, достал оттуда большую бутылку литров на десять, запечатанную сургучом, и сорвал печать. Затем достал де-

вять мифриловых стаканов и налил в них терпкую, тягучую жидкость тёмно-янтарного цвета. По комнате разлился аромат — густой, медовый, с нотками дуба и каких-то пряностей.

— Гномья особая медовуха, — произнёс он с благоговением и вдохнул аромат из своего стакана. — Выдерживается в дубовых бочках не меньше пятидесяти лет. Такое количество адамантита меняет дело, и такие сделки нужно обмывать.

Он поставил стаканы на стол. Взял одну пику и внимательно осмотрел. Металл переливался на свету, и на его поверхности играли тёмные узоры.

— Идеальное качество. Оцениваю по пятнадцать золотых за штуку. Но, к сожалению, столько золота у меня нет — нужно обращаться за ссудой в «Союз Стальных Молотов».

— А сколько ты готов выкупить сейчас? — спросил я.

— Сейчас — только пятьдесят штук. За метеоритное железо оплачу по факту, после изготовления снаряжения.

Я задумался, потом улыбнулся.

— Тогда давай так. Тридцать штук мы оставим себе, пока что. Пятьдесят продаём тебе за семьсот пятьдесят золотых. А ещё пятьдесят — это подарок тебе и задел на будущее.

Дварф замер, не донеся стакан до рта.

— Но это же такое сокровище, такая редкость! Ты уверен, тифлинг, что стоит разбрасываться таким богатством?

Я переглянулся со своим отрядом — Горн кивнул, Анна

улыбнулась, остальные выразили согласие, — и посмотрел на кузнеца.

— Зови меня Малл'Тисс. По рукам?

Я протянул руку. Дварф, смахивая скупую слезу радости, ответил крепким рукопожатием.

— По рукам. Через неделю всё будет готово. Клянусь золотом и наковальней.

Он подошёл к сейфу, достал оттуда три тяжёлых мешочка с золотом и протянул нам. Анна приняла их, и они исчезли в пространственном кармане.

Мы вышли из кузницы довольные, как мытые драконы. Теперь у нас была реальная куча золота, но нужно было решить ещё один вопрос, и мы направились к магическому ювелиру-зачарователю. У него мы заказали двенадцать орихалковых нитей для оружия и двадцать четыре зачарованных рубина. В качестве зачарования выбрали чары уничтожения нежити и чары сокрытия присутствия, а затем попросили отправить это всё нашему кузнецу. За всё мы заплатили сто двенадцать золотых. Вышло дорого, но оно того стоило — с таким оружием мы станем грозой любой нежити.

После этого мы разделились. Анна и Горн отправились на закупку высших эликсиров восстановления — по четыре на каждого, штук двадцать противоядий и десять зелий восстановления маны для Мириэль. Остальные разошлись по своим делам. Ильгарвен и Мириэль решили посетить храм Вердиса в Греймуре — помолиться и поблагодарить за спасение.

Лиссар увёл Велшару на тренировку — теперь, когда она обрела класс, нужно было оттачивать навыки.

Мы с Ауринаей решили сначала зайти в хранилище артефактов гильдии. Линн, уже снова в образе строгого регистратора, провела нас в небольшую комнату за её кабинетом, уставленную стеллажами с зачарованными предметами. Мы осмотрели луки, кинжалы, амулеты, но ничего подходящего для теневого лучника не нашли. Линн развела руками:

— У нас в основном стандартное снаряжение. Для такого специфического класса, как теневой лучник, лучше обратиться к эльфам. У них и дерево особое, и мастера, понимающие толк в скрытности и магии теней. Я слышала, в Эльнаме есть артефакторы, работающие с бессмертным деревом — оно гибкое, прочное и отлично проводит магию.

Ауриная кивнула.

— Я знаю одного мастера. Он делал мой лук. Если он ещё жив и работает, мы сможем заказать лук для Велшары. И колчан — артефактный, как у меня.

— Отлично, — сказал я. — Тогда отправляемся в Эльнам. Два дня пути туда и обратно, плюс сутки там. Как раз успеем вернуться к готовности снаряжения.

Мы вышли из гильдии и направились к городской стене, где в конюшне для экзотических животных нас ждал Аэл'Талас. Белоснежный боевой олень, увидев Ауринаю, радостно фыркнул и потёрся мордой о её плечо. Она погладила его по шее, что-то прошептала на эльфийском, и он довольно при-

крыл глаза.

Мы забрались на него — я сел позади, обхватив Ауринэю за талию, — и олень сорвался с места. Ветер засвистел в ушах, город остался позади, а впереди расстилались поля, леса и холмы. До Эльнама, родного города Ауринэи, было около суток пути на такой скорости.

Глава 4

Аэл'Талас летел над землёй, едва касаясь копытами травы. Его белоснежная шерсть переливалась в лучах утреннего солнца, серебряные рога вспыхивали, как молнии, когда он поворачивал голову. Ветер свистел в ушах, трепал мой плащ и волосы Ауринэи, выбившиеся из тугой косы. Она сидела впереди, прямая, как струна, и её тело двигалось в унисон с движениями оленя — единое целое, древняя связь эльфов и лесных созданий.

Я сидел позади, обхватив её за талию, и чувствовал тепло её тела даже сквозь одежду. Дорога уходила на юго-восток, прочь от Греймура, через поля, перелески и неглубокие овраги. Солнце только поднималось, окрашивая небо в нежные оттенки розового и золотого. Воздух был свежим, пах влажной травой, полевыми цветами и едва уловимым ароматом хвои, доносившимся из далёких лесов.

— Как ты? — спросила Ауринэя, полуобернувшись. Ветер бросил прядь её платиновых волос мне в лицо, и я вдохнул запах лаванды.

— Отлично, — ответил я, прижимаясь ближе. — Давно не путешествовал вот так. Без спешки, без погони. Просто дорога.

— Я тоже, — она улыбнулась, и её зелёные глаза блеснули. — В Эльнаме я покажу тебе места, где мы играли детьми.

Сады моих родителей, библиотеку, где ты впервые читал эльфийские свитки. Ты помнишь?

— Помню, — я улыбнулся. — Я тогда едва не спалил свиток «Песни Ветров», пытаясь прочесть заклинание. Твоя мать смеялась, а отец сказал, что из меня выйдет либо великий маг, либо отличный поджигатель.

Ауринэя рассмеялась — чистым, серебристым смехом, который я так любил. Аэл'Талас, словно вторя ей, фыркнул и ускорил бег.

Мы ехали уже около трёх часов, когда дорога вывела нас к густому лесу. Кроны старых дубов и ясеней смыкались над головой, пропуская лишь редкие лучи солнца, которые падали на тропу золотистыми пятнами. Птицы пели в ветвях, где-то в чаще стучал дятел. Пахло прелой листвой, грибами и сырой землёй. Я расслабился, наслаждаясь покоем.

Зря.

Впереди, за поворотом, послышались крики. Не птичьи — человеческие. Полные ужаса и боли. Я напрягся, рука сама легла на рукоять восточного меча. Ауринэя тоже услышала — её спина выпрямилась, пальцы сжали поводья.

— Там, — коротко бросила она, и Аэл'Талас, поняв без слов, рванул вперёд.

Мы вылетели из-за поворота и увидели картину, от которой кровь закипела в жилах.

На обочине лесной дороги стоял разграбленный караван. Три повозки, крытые парусиной, были опрокинуты или сто-

яли с разорванными тентами. Тюки с товаром — ткани, специи, какие-то ящики — валялись на земле, некоторые были вскрыты, содержимое разбросано. Рядом лежали тела. Пятеро мужчин в одежде охранников — простые кожаные доспехи, короткие мечи, — все мертвы. Кровь ещё не впиталась в землю, блестела на траве алыми лужами. У одного было перерезано горло, у другого — проломлен череп, третий лежал, пронзённый несколькими стрелами.

А над ними, как стервятники, суетились бандиты. Их было около дюжины — оборванные, грязные, с разношёрстным оружием: ржавые мечи, дубины с гвоздями, пара коротких луков. Они выволакивали из второй повозки людей. Купец — полный мужчина в дорогом, но изорванном камзоле, с окровавленным лицом, — пытался закрыть собой женщину и двоих детей. Женщина, его жена, прижимала к себе мальчика лет десяти и девочку помладше. Дети плакали, женщина кричала, купец умолял:

— Заберите товар! Заберите всё! Только отпустите семью! Умоляю!

— Заткнись, жирный, — рявкнул один из бандитов, здоровенный детина с бычьей шеей и топором в руке. — Товар мы и так заберём. А твою женку — оприходуем. И девку тоже, хоть и мала, но сгодится. А пацана продадим. Всё, что осталось, наше по праву.

Он заржал, и остальные подхватили его смех — грязный, жестокий, лишённый всего человеческого.

Я не стал ждать. Не стал предупреждать. Не стал давать им шанс.

Аэл'Талас, повинувшись безмолвному приказу Ауринэи, влетел в гущу бандитов, как разъярённый дух леса. Я спрыгнул с его спины ещё в движении, выхватывая восточный меч. Первый бандит, тот самый здоровяк с топором, даже не успел обернуться. Мой клинок вошёл ему в шею сбоку, пробив артерию. Кровь хлынула фонтаном, заливая траву и его же подельников. Он захрипел, схватился за горло и рухнул лицом вниз.

Ауринэя уже стреляла. Её лук пел, и стрелы с мифриловыми наконечниками находили цели с пугающей точностью. Один бандит упал со стрелой в глазу, второй — с пробитым сердцем, третий пытался убежать, но стрела догнала его, вонзившись в затылок.

Я работал клинком. Восточный меч, верный спутник многих битв, рубил и колол. Удар — распоротый живот, кишки вываливаются на траву. Второй — отрубленная рука с зажатым в ней ржавым ятаганом. Третий — клинок входит в грудь, проворачивается, выходит с влажным чавканьем. Бандиты кричали, пытались сопротивляться, но мы были быстрее, злее, безжалостнее. Я не брал пленных. Не сегодня. Не после того, что они сделали и собирались сделать.

Их оставалось пятеро, когда мой меч подвёл меня.

Я ударил по клинку одного из бандитов — простой ржавой железке, — и восточный меч, прошедший со мной де-

сятки сражений, сломался. Сталь хрустнула, и обломок лезвия отлетел в сторону, а в моей руке осталась лишь рукоять с жалким огрызком. Бандит, увидев это, ослабил и замахнулся своим мечом.

Я не дал ему шанса. Отбросив сломанную рукоять, я схватил парные мифриловые клинки из ножен за спиной. Один блокировал удар бандита, второй вошёл ему под рёбра, пробив сердце. Он захрипел, вытаращил глаза и осел.

Дальше был танец. Два клинка в моих руках порхали, как живые, — я давно не использовал их в серьёзном бою, но тело помнило. Оставшиеся четверо бандитов пали один за другим. Ауринэя сняла последнего, пытавшегося сбежать в лес, точным выстрелом в спину.

Тишина. Только хрипы умирающих да плач детей.

Я вытер клинки о траву, вложил в ножны. Оглядел поле боя. Тринадцать трупов бандитов, пять — охранников каравана. Купец, его жена и дети, живые, но в шоке, жались друг к другу у повозки.

— Вы в порядке? — спросил я, подходя.

Купец, дрожа, кивнул.

— Д-да... благодаря вам. Моя семья... мы бы... Спасибо. У меня нет слов. Я заплачу вам, всё, что осталось...

— Не нужно, — ответил я. — Просто добирайтесь до ближайшего города. Здесь небезопасно.

Он снова закивал, начал собирать уцелевший товар, подгонять жену и детей. Я не стал ждать, когда они уедут. Мы

с Ауринэей запрыгнули на Аэл'Таласа и продолжили путь. Обращиваться я не стал.

— Ты не взял плату, — заметила Ауринэя, когда мы отъехали на достаточное расстояние.

— Не всё в этом мире измеряется золотом, — ответил я. — Иногда достаточно просто знать, что сделал правильное дело.

Она промолчала, но её рука нашла мою и сжала.

Мы ехали ещё несколько часов, пока солнце не начало клониться к закату. Усталость от боя и долгой дороги давала о себе знать. Я чувствовал, как мышцы гудят, а глаза слипаются — даже тифлингу нужен отдых, пусть и не сон. Ауринэя, кажется, тоже утомилась.

— Впереди река, — сказала она, указывая на блеснувшую между деревьями воду. — Там хорошее место для привала. Чистая вода, песчаный берег. Можно отдохнуть до утра.

Я кивнул. Мы свернули с дороги и углубились в лес, следуя вдоль русла реки. Вскоре выехали на небольшую поляну, окружённую ивами, чьи ветви свисали до самой воды. Река здесь была неширокой, но глубокой, с прозрачной, как стекло, водой, сквозь которую виднелось каменистое дно. Течение было спокойным, почти незаметным. Пахло речной свежестью, мятой и влажной травой. Закатное солнце окрашивало воду в золотисто-розовые тона, и вся поляна казалась вырванной из какой-то древней эльфийской легенды.

Аэл'Талас, фыркнув, направился к воде и начал жадно

пить. Аурунэя спрыгнула с его спины, потянулась, разминая затёкшие мышцы. Я последовал за ней, чувствуя, как приятно ноют ноги после долгой езды.

— Здесь красиво, — сказала она, оглядываясь. — Я помню это место. Мы с отцом проезжали здесь, когда ездили в Греймур. Он говорил, что в этой реке живут духи воды, и если попросить их о милости, они могут исполнить желание.

— И ты просила? — спросил я, расседывая оленя.

— Просила, — она улыбнулась. — Чтобы ты вернулся. Живым и здоровым.

Я подошёл, обнял её сзади, уткнулся носом в её волосы.

— Похоже, духи воды тебя услышали.

Она повернулась в моих объятиях, посмотрела мне в глаза. В её зелёных глазах плясали отблески заката.

— Идём купаться, — вдруг сказала она, и в её голосе появилась та озорная нотка, которую я помнил с детства. — Вода тёплая. Я чувствую.

Я усмехнулся.

— Ты и воду чувствуешь?

— Я эльф, Малл'Тисс. Мы чувствуем всё живое.

Она отошла на шаг и, не сводя с меня глаз, начала растёгивать лёгкий кожаный доспех. Плащ упал на траву, за ним — перевязь с клинками, пояс с ножами. Сапоги были сброшены небрежным движением. Она стянула рубашку через голову, и её платиновые волосы рассыпались по обнажённым плечам. Она не стеснялась — не передо мной. Мы зна-

ли друг друга всю жизнь.

Я последовал её примеру. Скинул плащ, расстегнул куртку, стянул сапоги. Оружие аккуратно сложил рядом, чтобы в случае чего быть готовым. Одежда легла на траву, и я остался лишь в том, в чём природа создала тифлингов. Ауринаэ бросила на меня быстрый взгляд, и её щёки чуть порозовели — то ли от заката, то ли от смущения, — но она не отвела глаз.

Она первой вошла в воду. Осторожно ступила на каменистое дно, поёжилась от прохлады, но тут же расслабилась. Вода доходила ей до бёдер, и закатные лучи играли на её коже, на мокрых волосах, прилипших к спине. Она обернулась, протянула мне руку.

— Иди сюда. Тепло.

Я вошёл следом. Вода действительно оказалась приятной — не ледяной, а освежающей, ласковой. Она обтекала тело, смывая усталость, пыль дорог и кровь недавнего боя. Я взял Ауринаэю за руку, и мы вместе шагнули глубже, туда, где вода доходила до груди.

Закат догорал, окрашивая небо в багрянец и пурпур. Ветви ив склонялись к самой воде, создавая уютный, скрытый от посторонних глаз уголок. Где-то в лесу запел соловей, и его трели разносились над рекой, смешиваясь с тихим плеском воды.

Мы стояли, держась за руки, и смотрели друг на друга. Я видел в её глазах отражение заката, и в этот миг весь мир

сузился до этой реки, этого леса, этой женщины.

— Я люблю тебя, — прошептал я, касаясь её щеки.

— И я тебя, — ответила она, прижимаясь ко мне. Вода холодила кожу, но её тело было тёплым, живым, родным.

Мы зашли в воду глубже. Река принимала нас — неспешно, почти торжественно, обтекая тела прохладной лаской и смывая остатки усталости, дорожной пыли, засохшей крови с недавней стычки. Закат уже догорел до последних углей, и небо над лесом стало глубоким, тёмно-синим, почти чёрным, с первыми проклюнувшимися звёздами — колючими, яркими, непривычно чужими. Вода вокруг нас казалась бездонной, но в ней отражались эти звёзды, и мы словно парили в бескрайнем космосе, затерянные между двумя безднами — небесной и речной.

Ауринэя вдруг плеснула в меня водой. Брызги попали в лицо, заставив зажмуриться, и я услышал её серебристый смех — чистый, искренний, как в детстве. Тот самый смех, что звучал в садах Эльнама, когда мы, ещё ничего не знавшие о войне, гонялись друг за другом среди цветущих кустов. Я открыл глаза и увидел её — мокрую, сияющую, с озорными искорками в зелёных глазах.

— Ах так? — я ответил тем же, загребая воду ладонью и направляя в неё целый фонтан брызг.

Она взвизгнула, уворачиваясь с грацией, достойной эльфийской воительницы, и поплыла прочь — быстро, рассекая воду плавными, сильными гребками. Но я догнал её в

два движения, благо тифлингское тело, пусть и лишённое эльфийской утончённости, было выносливым. Она смеялась, отбивалась, брызгалась, но я уже обхватил её за талию, поднял над водой — лёгкую, почти невесомую, — и, глядя в её смеющиеся зелёные глаза, в которых отражались звёзды, резко ушёл под воду вместе с ней.

Мир исчез. Весь — со своими звуками, запахами, тревогами. Остались только холод, темнота и она — прижатая ко мне, обвившая руками мою шею. Я чувствовал биение её сердца сквозь толщу воды — быстрое, взволнованное, живое. Её волосы, платиновые и длинные, обвили мои плечи, словно водяные лилии. Мы вынырнули вместе, хватая ртом воздух, и вода стекала с наших лиц, с волос, капала с ресниц. Она смеялась, и я смеялся вместе с ней, и этот смех разносился над рекой, вспугивая ночных птиц, заставляя их срываться с ветвей и улетать в темноту.

— Ты специально! — выдохнула она, всё ещё смеясь. — Я же чуть не захлебнулась!

— Ты? Захлебнулась? — я приподнял бровь. — Эльфийка, которая переплывала озеро Эльнама в десять лет? Не верю.

— Мне было двенадцать, — поправила она с притворной обидой. — И это было озеро, а не река. В реке течение.

— Оправдания, — я ухмыльнулся. — Ты просто не хочешь признавать, что я лучший пловец.

— Ты — тифлинг, стихи относятся вам иначе, чем к

остальным расам, — парировала она, и её глаза блеснули.

— Завидуешь? — я легонько шевельнул хвостом под водой, отчего она снова взвизгнула.

— Ни капли.

Мы стояли по грудь в воде. Её платиновые волосы потемнели от влаги, прилипли к плечам и спине, а кожа в свете звёзд казалась серебристой, как у лесного духа — одного из тех, о ком слагали легенды её народ. Капли воды блестели на её лице, на шее, на груди, и я не мог отвести взгляд. Её глаза, огромные, зелёные, смотрели на меня с такой любовью и желанием, что у меня перехватило дыхание. В них была вся она — та девочка, что нашла меня в лесу, та воительница, что сражалась плечом к плечу со мной, та женщина, что ждала меня все эти годы.

Я подтянул её к себе хвостом — мягко, но настойчиво, обвивая её талию под водой. Она охнула, оказавшись вплотную, и в следующий миг я впился в её губы поцелуем — страстным, глубоким, требовательным. Она ответила сразу, без колебаний, и её руки обвили мою шею, пальцы зарылись в мокрые волосы на затылке, притягивая ближе. Я чувствовал вкус её губ — сладкий, с лёгкой горчинкой речной воды и ночных трав.

Мои ладони легли на её упругие ягодицы, приподнимая. Она поняла без слов — её ноги сами собой поднялись, обвили мою талию, и я почувствовал, как она прижимается ко мне, горячая, несмотря на прохладную воду. Я вошёл в неё

— медленно, давая привыкнуть, чувствуя, как её тело принимает меня, обволакивает жаром. Она выдохнула мне в губы, прикрыв глаза, и её ресницы, мокрые и длинные, дрогнули.

— Я люблю тебя, — прошептала она, и её голос дрожал — не от холода, не от страха, а от переполнявших её чувств.

Она двигалась сама. Её бедра поднимались и опускались, находя ритм — древний, как сама жизнь, и прекрасный, как звёзды над нами. Вода вокруг нас колыхалась, расходясь кругами, и тихий плеск смешивался с её дыханием, учащённым и горячим. Я держал её, помогал, но вёл танец она — с той же грацией, с какой двигалась в бою, только теперь это был танец не смерти, а жизни. Её стоны, тихие, сдавленные, разносились над рекой, отражались от воды и деревьев, и мне казалось, что весь лес слушает нас, затаив дыхание. Даже птицы замолкли и стих ветер.

Она достигла пика первой. Её тело выгнулось, голова запрокинулась, и с губ сорвался крик — громкий, не сдерживаемый, — разнёсшийся над водой и утонувший в кронах ив. Она сдалась вокруг меня с такой силой, что я последовал за ней через мгновение, не в силах противиться. Горячий поток излился в неё, и я замер, прижимая её к себе, чувствуя, как дрожит её тело в моих руках, как колотится сердце, как дыхание вырывается частыми, рваными толчками.

Мы стояли так, замерев, и наши губы снова встретились — теперь уже нежно, благодарно, почти целомудренно. Во-

да остывала, ночной ветер коснулся плеч, и я почувствовал, как она вздрогнула. Её кожа покрылась мурашками, и она прижалась ближе, ища тепла.

— Замёрзла? — прошептал я, касаясь губами её лба.

— Немного, — призналась она, улыбаясь. Улыбка вышла усталой, но счастливой. — Но это приятный холод. Как после долгого бега. Или после боя, когда знаешь, что победил.

Мы вышли из воды. Наши тела блестели от влаги, и в свете звёзд мы казались существами из древних легенд — тифлинг и эльфийка, вышедшие из реки духов, как в балладах, что пели менестрели при дворе Владыки Терондира. Я быстро собрал сухие ветки — благо, лес был щедр, — и, высекая искру мифриловым клинком о камень, развёл костёр. Пламя затрещало, пожирая сухую древесину, и по поляне разлилось тепло, отгоняя ночную прохладу. Пахло дымом, речной свежестью, хвоей и чем-то сладковатым — может быть, диким мёдом из дупла старого дуба на том берегу.

Я расстелил свой плащ у огня — чёрная кожа, тёплая от близкого жара. Ауриная легла на него, вытянувшись, и пламя рисовало на её теле золотистые узоры, пляшущие, живые. Её кожа, ещё влажная, блестела в отблесках костра, платиновые волосы разметались по чёрной коже плаща, а в глазах — глубоких, зелёных, — плясали крошечные отражения огня. Она была так соблазнительна, что кровь снова начала приливать, и она это заметила. Её взгляд скользнул вниз, и на губах заиграла та самая лукавая улыбка.

Её палец игриво поманил меня. Я приблизился, и она лёгким, почти неуловимым движением опрокинула меня на плащ, а сама села сверху — одним слитным, грациозным движением. Её тело, всё ещё хранящее тепло воды и костра, опустилось на меня, и с её губ сорвался лёгкий стон — негромкий, но полный желания. Она двигалась страстно, откинувшись назад, опираясь руками на мои бёдра, и её платиновые волосы рассыпались по спине, словно водопад лунного света. Я держал руки на её талии, чувствуя, как напрягаются и расслабляются её мышцы, как волны наслаждения пробегают по её телу, как её дыхание учащается.

Её движения ускорились, стали более резкими, глубокими. Она стонала, уже не сдерживаясь, и её голос эхом разносился по ночному лесу, смешиваясь с треском костра и шёпотом листвы. Я видел её лицо — прекрасное, искажённое экстазом, её приоткрытые губы, зажмуренные глаза, капли пота на лбу, блестящие в свете пламени. А затем новый, особенно сильный стон сорвался с её губ — громкий, протяжный, — и я почувствовал горячие толчки внутри неё. Она снова достигла вершины, и я последовал за ней, изливаясь глубоко, прижимая её бёдра к себе.

Она без сил упала на меня, прижалась всем телом, и её дыхание, частое и горячее, согревало мою грудь. Её сердце колотилось где-то у самого моего, и я чувствовал его биение каждой клеткой. Я обнял её, гладил по спине, по влажным волосам, по изгибу плеча, и мы лежали так, пока сердца не

успокоились, пока дыхание не выровнялось, пока звёзды на небе не сдвинулись ещё немного к западу.

— Нужно снова искупаться, — прошептала она, и я услышал в её голосе улыбку — тёплую, ленивую, довольную.

— Вода уже холодная, — заметил я, но она уже поднималась, и её силуэт, освещённый костром, был так прекрасен, что я не стал спорить.

Мы ещё раз сходили к реке. Вода действительно была холоднее, чем раньше, но мы не обращали внимания — только плескались, смывая следы страсти, смеясь и брызгаясь, как дети. Потом вернулись к костру, и я подбросил дров. Пламя взвилось выше, затрещало, согревая нас. Мы перекусили остатками вяленого мяса — жёсткого, солёного, — и хлеба, что чудом не размок в сумке, запили водой из фляги. Еда казалась особенно вкусной после всего — как всегда бывает, когда голоден и счастлив.

Потом я помог ей одеться. Набросил рубашку на её плечи — тонкий лён, ещё хранящий запах лаванды из сундука в штабе, — застегнул лёгкий кожаный доспех, поправил перевязь с мифриловыми клинками. Она стояла покорно, позволяя мне заботиться о ней, и в этом было что-то глубоко интимное, доверительное — то, чего не выразить словами. Я оделся сам, и мы, укутавшись одним плащом, прижались к тёплому боку спящего Аэл'Таласа.

Олень лежал, поджав под себя длинные ноги, и его дыхание было ровным и спокойным. От него исходило тепло, как

от большой печи, и шерсть, белоснежная и густая, пахла сеном и какими-то луговыми травами. С ним было уютно. С ним было безопасно. Он был частью нашей стаи — пусть и не Волком, но верным другом.

Ауринэя уснула почти сразу, положив голову мне на плечо. Её дыхание стало ровным, ресницы — длинные, чуть подрагивающие — отбрасывали крошечные тени на щёки. Я смотрел на неё и думал о том, как мы дошли до этой ночи. Через битвы, смерти, расставания. Через всё. И вот она здесь, в моих руках, живая, тёплая, родная.

Я прикрыл глаза, но не спал — тифлингам сон не нужен. Я просто отдыхал, наслаждаясь покоем, теплом и ощущением её тела рядом. Впереди — Эльнам, мастер-артефактор, лук для Велшары, а потом — Остапор и поиски убийц. Но эта ночь была нашей. И я сохраню её в памяти навсегда.

Утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь кроны ив и заиграли на воде, мы проснулись. Аэл'Талас уже стоял, пощипывая траву, и косился на нас фиолетовым глазом, в котором читалось безмолвное: «Ну наконец-то». Мы собрали лагерь, оседлали оленя и двинулись дальше. До Эльнама оставалось полдня пути.

Глава 5

Вторые полдня пути пролетели незаметно. Аэл'Талас бежал ровной, стелющейся рысью, едва касаясь копытами лесной тропы, и мир вокруг нас постепенно менялся. Обычный лес, через который мы ехали утром — дубы, ясени, ольха, — уступал место чему-то иному. Деревья становились выше, древнее, их стволы достигали невообразимой толщины, а кроны смыкались высоко над головой, образуя живой свод, сквозь который пробивались лишь отдельные лучи солнца — мягкие, золотистые, словно просеянные через изумрудное сито листвы.

Воздух изменился. Он стал чище, прозрачнее, напоённый ароматами, которых не встретишь в человеческих землях. Пахло не просто лесом — пахло древностью, покоем и чем-то неуловимо волшебным. Сладкий аромат невидимых цветов, терпкий запах мха, покрывающего корни деревьев, и лёгкая, едва уловимая нотка озона — словно сама магия была разлита в воздухе, как утренний туман.

Ауринэя, сидевшая впереди, глубоко вдохнула и улыбнулась. Её плечи расслабились, спина выпрямилась, и она стала похожа не на усталую путницу, а на принцессу, возвращающуюся домой.

— Чувствуешь? — спросила она, полуобернувшись. Её зелёные глаза сияли. — Это Эльнамар. Так мы называем зем-

ли вокруг Эльнама. Здесь магия леса особенно сильна. Говорят, сами деревья помнят первые дни творения и шепчутся об этом с теми, кто умеет слушать.

— Я чувствую, — ответил я. — Здесь... спокойно. Как будто время течёт иначе.

— Так и есть, — она кивнула. — В Эльнаме время не властно над живущими. Эльфы не стареют, деревья не умирают. Всё течёт, но не меняется.

Мы ехали молча, и я впитывал окружающую красоту. Тропа стала шире, вымощенной гладкими каменными плитами, поросшими мягким мхом. По сторонам от неё возвышались деревья, на ветвях которых я заметил первые признаки обитания: изящные фонари из кованого серебра, свисающие с ветвей и горящие мягким, золотистым светом, несмотря на дневное время; лёгкие мостики, перекинутые между стволами на головокружительной высоте; и, наконец, сами дома.

Дома эльфов не строили — их словно выращивали. Жилые платформы обвивали стволы исполинских деревьев, соединяясь лестницами и воздушными переходами. Стены из живого дерева, гладкие, как шёлк, были увиты плющом и цветущими лианами. Окна — большие, арочные, забранные не стеклом, а тончайшей слюдой, пропускающей свет, но не взгляд. С крыш, покрытых мхом и мелкими цветами, свисали гирлянды из магических огней — они мягко пульсировали, меняя оттенки от тёплого янтарного до нежного лунного.

Я засмотрелся на один такой дом, обвивающий ствол ис-

полинского дуба, и Ауруинэ, заметив мой взгляд, улыбнулась.

— Это дом наставника Тал'вена. Он обучал меня иллюзиям, когда я была ребёнком. Помню, как однажды я пыталась создать иллюзию дракона, а получилась огромная белка с чешуёй. Он смеялся до слёз, но сказал, что у меня талант.

— И что, теперь ты умеешь создавать драконов? — усмеялся я.

— Нет, — она рассмеялась. — Но белки у меня получаются отлично.

Тропа вывела нас к реке — той самой, что мы видели вчера, только здесь она была шире и спокойнее. Через неё был перекинут мост — не каменный, а живой, сплетённый из ветвей и корней двух огромных ив, растущих на противоположных берегах. Ветви переплетались над водой, образуя ажурную арку, увитую цветами, и по этому мосту можно было пройти, как по аллее. Вода под ним была прозрачной, и в ней плавали серебристые рыбы, блестя чешуёй в лучах солнца.

За мостом начинался сам Эльнам. Лес расступался, открывая взгляду обширную поляну, посреди которой возвышался Великий Древо — сердце города. Оно было столь огромным, что его крона терялась в облаках, а ствол казался стеной, сложенной из живой, дышащей коры. Вокруг него, на разных уровнях, располагались дома, храмы, мастерские, библиотеки — целый город, вплетённый в ветви и корни.

У входа в город, перед мостом, стояли двое стражей. Эль-

фы — высокие, стройные, в лёгких доспехах из зелёной кожи, с серебряными нагрудниками, на которых был выгравирован герб Эльнама — дерево с раскидистой кроной и корнями, уходящими в землю. В руках они держали длинные копья с лезвиями, светящимися мягким лунным светом. Лица их были спокойны, глаза — внимательны.

Аэл'Талас остановился перед мостом, и Ауринэя легко прыгнула на землю. Я последовал за ней. Стражи, увидев её, переглянулись, и на их лицах промелькнуло узнавание. Один из них, с длинными светлыми волосами, заплетёнными в косу, шагнул вперёд и склонил голову в приветствии.

— Ауринэя из дома Звёздной Росы, — произнёс он мелодичным голосом. — Давно ты не была в родных краях. Мы слышали о твоих странствиях и скорбим о твоей утрате.

— Благодарю, Тар'эль, — ответила она, и её голос дрогнул лишь на мгновение. — Я вернулась ненадолго. Со мной мой спутник, Малл'Тисс, тифлинг, капитан отряда «Волки Греймура». Он — мой избранник и друг нашего дома.

Тар'эль перевёл взгляд на меня. Его глаза — серые, спокойные, как озёрная гладь, — изучали меня несколько секунд. Я встретил его взгляд прямо, не отводя глаз. Наконец, он кивнул.

— Добро пожаловать в Эльнам, Малл'Тисс. Для тифлинга наши края редкость, но раз ты избранник Ауринэи, ты — гость. Проходите. Да пребудет с вами благословение Келедора.

Мы прошли по живому мосту, и я почувствовал, как под ногами пружинят ветви, словно приветствуя. Ауринэя взяла меня за руку, и её пальцы были тёплыми.

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу тебе город. А потом — к мастеру-артефактору. Он живёт в ветвях Великого Древа.

Я кивнул, и мы углубились в Эльнам. Вокруг нас кипела жизнь: эльфы в изящных одеждах шли по своим делам, дети играли среди корней, ремесленники работали в открытых мастерских. Воздух был наполнен звуками — пением птиц, журчанием воды, мелодичными голосами. И над всем этим царил покой, древний, как сам мир.

Мы шли по Эльнаму, и я чувствовал себя так, словно попал в ожившую легенду. Улицы — если их можно было так назвать — представляли собой сплетения корней, мостков и воздушных переходов, обвивающих стволы деревьев-исполинов. Под ногами пружинила живая древесина, гладкая, как отполированная кость, и тёплая, словно в ней текла кровь. Вокруг нас возвышались дома, вплетённые в ветви: стены из живого дерева, окна, светящиеся мягким золотистым светом, балконы, увитые цветущими лианами, с которых свисали гроздья мелких, как звёзды, цветов. Воздух был напоён ароматами — сладким нектаром невидимых соцветий, терпким запахом мха, влажной земли и едва уловимой ноткой чего-то древнего, почти сакрального.

Ауринэя шла впереди, её шаги были лёгкими, почти бес-

шумными, и я видел, как она преобразилась. В Греймуре она была воительницей — собранной, настороженной, готовой к бою. Здесь она стала другой: плечи расправились, походка обрела плавность, а на лице поселилась улыбка — мягкая, немного грустная, но искренняя. Она была дома.

Мы миновали несколько ярусов, поднимаясь всё выше по спиральным лестницам, вырезанным прямо в стволе Великого Древа. Ступени были отполированы тысячами ног за столетия, и в них отражался свет магических фонарей, висящих на ветвях. Чем выше мы поднимались, тем тише становился городской шум внизу, и тем отчётливее слышалось пение птиц, гнездящихся в кроне.

Мастер-артефактор жил на одном из верхних ярусов, там, где ветви Великого Древа расходились в стороны, образуя естественную платформу. Его дом был не просто вплетён в дерево — он был его частью. Стены из живой коры, окна, затянутые тончайшей слюдой, пропускающей мягкий, рассеянный свет, крыша из огромных листьев, которые, казалось, росли прямо из ветвей. У входа висела простая деревянная табличка с вырезанными на ней эльфийскими рунами: «Творец Песни Древа».

Ауринэя постучала — не в дверь, а в ствол рядом с ней, и по дереву прошла лёгкая вибрация, словно приветствие. Через мгновение дверь открылась, и на пороге появился эльф. Он был стар — не дряхлой старческой немощью, а той глубокой, величественной старостью, что приходит к эльфам че-

рез тысячелетия. Его лицо, изрезанное тонкими морщинами, словно кора древнего дерева, светилось мудростью и покоем. Длинные серебристые волосы были собраны в низкий хвост, а глаза — цвета янтаря, глубокие и ясные — смотрели на нас с доброжелательным любопытством. Одет он был в простую тунику из некрашеного льна, поверх которой был наброшен кожаный фартук с множеством кармашков, из которых торчали инструменты — резцы, напильники, пинцеты.

— Ауринэя, дитя Звёздной Росы, — произнёс он голосом, похожим на шелест листвы. — Давно ты не навещала старика. Я слышал о твоей утрате и скорблю вместе с тобой. Келлдор да упокоит души твоих родителей в Вечных Садах.

— Благодарю, мастер Тан'эриль, — ответила Ауринэя, склонив голову. — Я пришла к тебе с просьбой. Моему отряду нужен лук для теневого лучника. Из бессмертного дерева. И колчан, подобный моему, — создающий стрелы в обмен на ману.

Мастер перевёл взгляд на меня. Его янтарные глаза изучали меня несколько долгих секунд, и я почувствовал, как по коже пробежал лёгкий холодок — он смотрел не просто на оболочку, а глубже, в самую суть.

— Тифлинг, — произнёс он задумчиво. — Давно я не видел вашего народа в Эльнаме. В тебе течёт древняя кровь, я чувствую это. Ты был на грани и вернулся. Морана отметила тебя.

— Вы правы, мастер, — ответил я ровно. — Я был мёртв и воскрес по её воле. Но сейчас я здесь, чтобы помочь своей стае.

Он кивнул, словно удовлетворившись ответом, и жестом пригласил нас внутрь.

Мастерская Тан'эриля была похожа на сокровищницу. Вдоль стен стояли стеллажи, заставленные заготовками из разных пород дерева — я узнал эльфийскую иву, серебряную берёзу, древень и даже небольшой кусок бессмертного древа, светящийся мягким серебристым светом. На столах лежали инструменты, некоторые из них явно были артефактными — они слабо пульсировали магией. В углу стоял верстак с тисками, а над ним висели готовые изделия: луки, арбалеты, посохи, каждый из которых был произведением искусства.

Мастер подошёл к одному из шкафов, открыл его и достал длинный свёрток, завернутый в мягкую замшу. Он развернул его на столе, и у меня перехватило дыхание.

Лук был великолепен. Вырезанный из цельного куска бессмертного дерева, он имел тёмный, почти чёрный цвет, но в глубине древесины переливались серебристые прожилки, словно звёзды в ночном небе. Плечи лука были изогнуты с идеальной симметрией, рукоять обмотана тонкой кожей, приятной на ощупь. Тетива, сплетённая из эльфийского шёлка и волоса единорога, мерцала в полумраке мастерской. Рядом лежал колчан — из того же тёмного дерева, с серебряными вставками и рунами, вырезанными по краю. Я узнал

некоторые из них: «бесконечность», «тьень», «верность».

— Это лук из бессмертного дерева, срубленного в полнолуние, когда магия леса наиболее сильна, — произнёс Тан'эриль, проводя рукой над оружием, но не касаясь его. — Тетива сплетена из эльфийского шёлка и волоса единорога — она не рвётся и не растягивается. Колчан зачарован на создание стрел в обмен на ману владельца. Но есть одно условие.

Он взял со стола кусок серебристой ткани — тонкой, как паутина, и мягкой, как шёлк, — и бережно обернул ею лук и колчан. Ткань плотно облепила оружие, скрыв его от глаз.

— Первое прикосновение к ним должно быть сделано той, для кого они предназначены. Теневой лучницей. Только тогда лук и колчан запомнят её, настроятся на её ману, на её тень. Только тогда они станут единым целым с хозяйкой. До этого момента никто, даже я, не имеет права касаться их обнажённой сути.

— Мы поняли, мастер, — сказал я. — Сколько мы должны за эту работу?

Он задумался, пожевал губами.

— Бессмертное дерево — редкость. Работа — кропотливая. Зарядка колчана — сложный ритуал. Восемьдесят золотых, — произнёс он наконец. — И обещание, что этот лук будет служить свету, даже если его хозяйка ходит во тьме.

Я отсчитал монеты — восемьдесят золотых, тяжёлых и тёплых, — и выложил их на стол. Тан'эриль сгрёб их в ладонь, и они исчезли в одном из кармашков его фартука.

— Благодарю, мастер, — Ауринаэ склонила голову. — Ты оказал нам великую услугу.

— Служить дому Звёздной Росы — честь для меня, — ответил он. — А теперь идите. У вас ещё будет время прогуляться по городу. А мне нужно закончить кое-какие дела.

Он проводил нас до двери и, пожелав удачи, скрылся в мастерской. Я бережно убрал свёрток с луком и колчаном в пространственную сумку — он лёг туда, словно всегда там был.

Остаток дня мы провели, гуляя по Эльнаму. Ауринаэ показывала мне места своего детства: сады, где она играла с другими эльфийскими детьми, обучаясь чувствовать природу; библиотеку, вырубленную в корнях Великого Древа, где хранились свитки, написанные тысячи лет назад; храм Келедора — лёгкую, ажурную постройку, увитую плющом, внутри которой всегда царил полумрак и пахло ладаном. Мы прошли мимо дома её родителей — изящного строения на одном из средних ярусов, с балконом, выходящим на запад, чтобы провожать закаты.

— Я не была здесь с тех пор, как... — она запнулась, и её голос дрогнул. — С тех пор, как их не стало.

— Мы можем не заходить, — предложил я, сжимая её руку.

— Нет, — она покачала головой. — Я хочу. Я должна.

Мы поднялись по винтовой лестнице, оплетающей ствол, и остановились у двери из светлого дерева с вырезанным на

ней гербом дома Звёздной Росы — серебряная звезда над цветущей ветвью. Аурина достала из-под рубашки медальон — парный к моему, — и приложила его к двери. Замок щёлкнул, и дверь открылась.

Внутри было тихо и чисто. Дом хранил следы ушедших хозяев: книги на полках, засушенные цветы в вазах, вышитая скатерть на столе. Пахло лавандой и старой бумагой — запахи её детства. Аурина прошла в гостиную, коснулась пальцами спинки кресла, в котором, наверное, сидел её отец, и из её глаз потекли слёзы. Молчаливые, скупые.

Я обнял её сзади, прижал к себе, и мы стояли так долго, пока её плечи не перестали вздрагивать.

— Я готова, — прошептала она наконец. — Идём.

Мы переночевали в её старой комнате — небольшой, уютной, с окном, выходящим на лес. Кровать была застелена свежим бельём, словно родители ждали её возвращения. Аурина уснула быстро, свернувшись калачиком под моей рукой, и её лицо во сне было безмятежным.

С рассветом мы собрались в обратный путь. Аурина ещё раз обошла дом, коснулась вещей родителей, словно прощаясь, и закрыла дверь. Мы спустились к мосту, где нас уже ждал Аэл'Талас, вычищенный и накормленный заботливыми эльфами. Утренний туман стелился над рекой, и город только просыпался, наполняясь мягким светом и пением птиц.

Мы оседлали оленя и выехали за ворота. Аурина обернулась, бросила последний взгляд на Эльнам, и я услышал,

как она прошептала:

— Прощай, мама. Прощай, папа. Я вернусь. Обязательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.